

CANTATA-140

ФИЛИП К. ДИК

ПОРОГ
МЕЖДУ
МИРАМИ

**PHILIP
K. DICK**

Филип К. Дик. Электрические сны

Филип Дик

Порог между мирами

«ЭКСМО»

1966, 1994

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Дик Ф. К.

Порог между мирами / Ф. К. Дик — «Эксмо», 1966,
1994 — (Филип К. Дик. Электрические сны)

ISBN 978-5-04-106480-8

2080 год. Земля перенаселена. Миллионы людей помещены в криогенный сон. Джим Брискин, кандидат в Президенты, ищет решение, которое позволит им проснуться и участвовать в выборах. Это кажется неразрешимой проблемой для политика-популиста, пока случайно не открывают возможность путешествовать к новым мирам. Что ждет человечество за порогом Земли?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-106480-8

© Дик Ф. К., 1966, 1994
© Эксмо, 1966, 1994

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Филип К. Дик

Порог между мирами

Philip K. Dick

THE CRACK IN SPACE

Copyright © 1966, Ace Books

Copyright renewed © 1994, Laura Coelho, Christopher Dick and Isa Hackett

All rights reserved

Фотография автора © Isa Dick Hackett

© К. Плешков, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Глава 1

В кабинет Херба Лэкмора вошла молодая пара – черноволосые, смуглые; судя по всему, мексиканцы или пуэрториканцы. Оба явно нервничали.

– Сэр, мы хотим, чтобы нас усыпили, – тихо сказал парень. – Хотим стать гибами.

Лэкмор встал из-за стола и подошел к стойке. Цветных он не любил – ему казалось, что с каждым месяцем в оклендский филиал Департамента общественного благосостояния их приходит все больше. Однако все же обратился к ним нарочито вежливым тоном, рассчитанным на то, чтобы вызвать доверие у клиентов.

– Вы хорошо все обдумали, ребята? Это серьезный шаг – вы можете выпасть из жизни лет на сто. С профессионалами советовались?

Парень сглотнул слюну и, глядя на жену, пробормотал:

– Нет, сэр. Мы сами все решили. Ни она, ни я не можем трудоустроиться, и нас наверняка скоро вышвырнут из общежития. Машины у нас нет, а без нее никуда, даже работу непонятно как искать.

Парню было лет восемнадцать, и Лэкмор отметил, что штаны и куртка на нем армейские. Девушка – невысокая, с длинными волосами, глаза черные, блестящие, а личико почти детское, кукольное – не отводила взгляда от мужа.

– Я жду ребенка! – неожиданно выпалила она.

– Черт бы вас побрал! – не сдержался Лэкмор. – Убирайтесь отсюда немедленно!

Виновато понурился парень и его жена двинулись к двери, намереваясь выйти на оживленную в это раннее утро улицу центра Окленда.

– Обратитесь к консультанту по абортам! – раздраженно крикнул им вслед Лэкмор.

У него не было никакого желания им помогать, но кому-то ведь все равно придется, учитывая переплет, в который они угодили: судя по всему, живут эти ребятки на государственную военную пенсию, а беременность девушки означает автоматическое лишение денежных поступлений.

– А как нам найти консультанта по абортам, сэр? – спросил парень, смущенно теребя рукав помятой куртки.

Опять это невежество темнокожих, против которого бессильны даже постоянные образовательные акции, организуемые правительством. Ничего удивительного в том, что женщины цветных чересчур часто беременеют.

– Открой телефонную книгу, – посоветовал Лэкмор, – на слове «аборт» или «терапия». Потом поищи подраздел «консультации». Понятно?

– Да, сэр, спасибо, – кивнул парень.

– Читать хоть умеешь?

– Да, я ходил в школу до тринадцати лет, – с гордостью ответил парень, и черные глаза заблестели.

Лэкмор вернулся к чтению гомеогазеты – больше он не собирался зря терять время. Ясно, этой парочке очень хочется, чтобы их усыпили. Они лежали бы, законсервированные, в государственном хранилище год за годом, до тех пор пока... Вот только изменится ли когда-нибудь ситуация на рынке труда? Лэкмор очень в этом сомневался, он прожил достаточно долго, чтобы трезво оценивать реальное положение дел, – ему было уже девяносто пять, он принадлежал к сообществу «джерри», представителей старого поколения. Он усыпил уже тысячи людей, большинство из которых были так же молоды, как эта пара, и... тоже темнокожие.

Дверь захлопнулась. Парень с девушкой исчезли столь же тихо, как и появились.

Вздохнув, Лэкмор снова взялся за статью о бракоразводном процессе Лэртона Д. Сэндса-младшего. На данный момент это было самым сенсационным событием. Как обычно, он начал жадно глотать текст слово за словом.

День начался для Дариуса Петеля с видеофонных звонков – раздраженные клиенты спрашивали, почему их джиффи-скатлеры еще не отремонтированы. Как всегда, Петель успокаивал собеседников, надеясь, что Эриксон уже явился на работу в ремонтную мастерскую фирмы «Джиффи-скатлеры Петеля, продажа и сервис».

Закончив разговоры по телефону, Петель занялся чтением последнего номера «Делового вестника». Он всегда старался быть в курсе экономических новостей и полагал, что эта привычка, наряду с солидным возрастом и немалым состоянием, дает ему право смотреть на подчиненных несколько свысока.

– Что нового? – спросил продавец Стюарт Хэдли, появившись в дверях с магнитной шваброй в руках.

Петель в ответ прочитал заголовок:

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОГО БИЗНЕС- СООБЩЕСТВА ПРИ ЧЕРНОМ ПРЕЗИДЕНТЕ

Дальше следовало трехмерное изображение Джеймса Брискина. Петель нажал кнопку, и изображение ожило. Кандидат Брискин улыбнулся. Прикрытые усами губы негра дрогнули, и над его головой появился пузырь, заполненный словами, которые он произносил:

«Моей первой задачей станет поиск разумного решения проблемы миллионов усыпленных».

– И выброс всех гибов до единого на рынок труда, – со злостью пробормотал Петель, отпуская кнопку. – Если он действительно этого добьется, нация обречена.

Но это было неизбежно. Рано или поздно должно было наступить время черного президента. Ведь после событий 1993 года цветных стало больше, чем белых.

Петель мрачно перелистал несколько страниц гомеогазеты, желая ознакомиться с последними подробностями скандальной истории Лэртона Сэндса, которые вполне могли бы поправить его настроение, подпорченное известиями из мира политики. Речь шла о сенсационном бракоразводном процессе знаменитого трансплантолога с его не менее знаменитой женой Майрой, консультантом по абортam. Начали всплывать всевозможные пикантные подробности, причем обе стороны обвиняли друг друга. Судя по тому, что писали гомеогазеты, у доктора Сэндса появилась любовница, в связи с чем Майра покинула дом, и правильно сделала. Петель подумал, что теперь все это выглядит совсем иначе, чем во времена его молодости, то есть в последние годы двадцатого века. На дворе как-никак 2080 год, и уровень морали, как общественной, так и личной, существенно упал.

«Зачем доктору Сэндсу потребовалась любовница, – думал Петель, – если каждый день над его головой пролетает спутник «Золотые врата наслаждений»? Говорят, там можно выбрать любую из пяти тысяч девушек...»

Сам Петель никогда не бывал на спутнике Фисбы Ольт. Как большинство людей его возраста, он не одобрял подобные развлечения, считая это слишком радикальным решением проблемы перенаселения. В семьдесят втором представители старшего поколения добились повторного рассмотрения этого вопроса, завалив Конгресс письмами и телеграммами. Но представленный проект закона поддержки не получил... Вероятно, считал Петель, так случилось потому, что большинство конгрессменов сами были не прочь прокатиться на реактивном такси на спутник.

– Если мы, белые, будем держаться вместе... – начал Хэдли.

– Послушай, – прервал его Петель, – те времена уже прошли. Если Брискин знает, что делать с гибами, пусть получает власть. Я лично спать по ночам не могу, думая о всех этих людях, а ведь многие из них еще почти дети, и вот они годами лежат в государственных хранилищах. Только представь себе, сколько талантов пропадает впустую. Это чистой воды... бюрократия! Лишь непомерно раздутое социалистическое правительство могло додуматься до подобного решения. – Он сурово посмотрел на продавца. – Если бы я не обеспечил тебя работой, даже ты мог бы...

– Но я же белый, – тихо проговорил Хэдли.

Продолжая читать гомеогазету, Петель узнал, что в 2079 году спутник Фисбы Ольт заработал миллиард американских долларов. «Неплохо, – подумал он. – Солидный бизнес». Взгляд его упал на изображение Фисбы – платиновой блондинки с небольшим высоким бюстом. Выглядела она потрясающе, как с эстетической, так и с эротической точки зрения. На картинке Фисба подавала гостям текилу с лаймом, что являлось дополнительным стимулом, поскольку текила, получаемая из мескалинового кактуса, давно была запрещена на самой Земле.

Петель нажал кнопку под изображением, и в глазах Фисбы тут же вспыхнули искорки. Она повернула голову, и ее тугой бюст медленно качнулся. В пузыре над головой красавицы возникли слова:

«Проблемы в личной жизни, мистер американский бизнесмен? Сделай то, что рекомендуют многие врачи, – посети мои «Золотые врата»!»

Как оказалось, это была обычная реклама – ноль информации.

– Прошу прощения.

В магазин вошел посетитель. Хэдли двинулся ему навстречу.

«О господи! Неужели скатлер Сэндса еще не починили?» – подумал Петель, узнав клиента, и поднялся с кресла, зная, что только он и никто другой сумеет успокоить доктора Лэрттона Сэндса, который из-за семейных проблем стал в последнее время чересчур требователен и вспыльчив.

– Слушаю вас, доктор, – сказал Петель, подходя к клиенту. – Чем могу помочь?

Можно подумать, он сам этого не знал. У доктора Сэндса хватало заморочек: ему нужно было как-то избавиться от Майры, сохранив при этом любовницу, Кэлли Вэйл, – и джиффи-скатлер был ему крайне необходим. От этого клиента нельзя было просто так отделаться.

Задумчиво теребя пышные усы, кандидат в президенты Джим Брискин неуверенно сказал:

– Похоже, мы зашли в тупик, Сол. Мне следовало бы тебя уволить. Ты пытаешься представить доводы цветных, хотя прекрасно знаешь, что я двадцать лет играл по правилам белых. Честно говоря, мне кажется, что нам повезет больше, если будем искать поддержки у белых, а не у темнокожих. К ним я давно привык и знаю, как с ними обращаться.

– Ошибаешься, Джим, – ответил Солсбери Хайм, руководитель предвыборной кампании Брискина. – Послушай меня внимательно. Те, к кому ты будешь обращаться, – это какой-нибудь до смерти напуганный цветной и его жена. Единственная перспектива для них – стать гибами в одном из государственных хранилищ. Они хотят, чтобы их «законсервировали». В тебе эти люди видят...

– Но я чувствую себя виноватым.

– Почему? – спросил Сол Хайм.

– Потому что я фальшивка. Я не могу закрыть хранилища Департамента общественного благосостояния, и ты прекрасно это знаешь. Я дал слово и с тех пор из кожи вон лезу, пытаюсь что-нибудь в этом направлении придумать. Но пока все бесполезно. – Он посмотрел на часы;

до выступления оставалось пятнадцать минут. – Ты читал речь, которую написал для меня Фил Дэнвил?

Он полез в туго набитый карман пиджака.

– Дэнвил? – поморщился Хайм. – Я думал, ты от него избавился. Покажи. – Схватив сложенные страницы, он начал их просматривать. – Дэнвил – кретин. Смотри!

Он помахал страницей перед носом Брискина.

– По его словам, ты намерен запретить сообщение между Штатами и спутником Фисбы. Это же безумие! Если «Золотые врата» будут закрыты, рождаемость подскочит до прежнего уровня. И что тогда? Как Дэнвил собирается решать эту проблему?

– «Золотые врата» аморальны, – помолчав, ответил Брискин.

– Ясное дело, – фыркнул Хайм. – А звери должны носить штаны.

– Нужно придумать что-нибудь более пристойное, чем этот спутник.

Хайм снова углубился в чтение текста речи.

– Он хочет, чтобы ты поддержал допотопную, полностью себя дискредитировавшую технологию орошения планет Бруно Мини. – Он бросил бумаги Джиму Брискину на колени. – Что же ты, в конце концов, собираешься делать? Если выскажешься за возвращение уже испробованного двадцать лет назад и вскоре отвергнутого плана колонизации других планет и предложишь закрыть «Золотые врата», то, несомненно, добьешься популярности. Вопрос лишь в том, у кого. Скажи мне, пожалуйста, к кому ты будешь обращаться со своей программой?

Он ждал ответа. Брискин молчал.

– Знаешь, что я думаю? – вновь заговорил Хайм. – Для тебя это просто благовидный предлог сдать, послать все к черту. Таким образом ты хочешь избежать ответственности. Ты уже пытался сделать это на съезде, выступив с безумной пораженческой речью. Твои странности приводят всех в замешательство. К счастью, кандидатура Джима Брискина уже выдвинута, и съезд не может ее отозвать.

– В той речи я выразил свои искренние убеждения, – сказал Брискин.

– Что? Ты и впрямь считаешь, что общество обречено из-за перенаселения? В самый раз для первого в истории цветного президента! – Хайм встал и подошел к окну, глядя на центр Филадельфии, на садящиеся реактивные вертолеты, на потоки автомобилей и толпы пешеходов, появляющихся из дверей небоскребов и исчезающих в них. – Мне кажется, – негромко сказал он, – ты чувствуешь, что общество обречено, поскольку выдвинуло кандидатом негра и, возможно, выберет его своим президентом. Таким образом ты сам себя принижаешь.

– Нет, – ответил Брискин, вытянутое лицо которого оставалось невозмутимым.

– Я скажу, о чем будет твоя сегодняшняя речь, – проговорил Хайм, продолжая стоять спиной к Брискину. – Сперва ты еще раз опишешь свои отношения с Фрэнком Вудбайном, поскольку люди обожают исследователей космоса. Вудбайн – настоящий герой, не то что ты или этот, как там его, – твой соперник. Представитель КДП.

– Уильям Шварц.

Хайм выразительно кивнул.

– Именно. А потом, когда ты наговоришь всякой чуши про Вудбайна и мы покажем несколько фотографий с вами двоими на разных планетах, последует анекдот про доктора Сэндса.

– Нет, – возразил Брискин.

– Почему? Он что, священная корова? Его и тронуть нельзя?

Джим Брискин ответил, тщательно подбирая слова:

– Сэндс – прекрасный врач, и средства массовой информации не должны его высмеивать, как это происходит сейчас.

– Наверняка он спас твоего брата, найдя для него в последний момент новенькую печень. Или спас твою мать, когда уже...

– Сэндс спас сотни, тысячи людей. В том числе множество цветных, независимо от того, могли они заплатить или нет. – Помолчав, Брискин добавил: – Я знаком и с его женой Майрой, которая мне не слишком понравилась. Имел с ней дело много лет назад; одна девушка забеременела от меня, и нам требовалась помощь консультанта по абортам.

– Великолепно! – неожиданно воскликнул Хайм. – Мы можем это использовать. Девушка забеременела от тебя. Мы скажем об этом, когда тебе будут задавать вопросы борцы за бесплодие. Сразу видно, что ты предусмотрительный человек, Джим. – Хайм хлопнул рукой по лбу. – Всегда думаешь наперед.

– Осталось пять минут, – заметил Брискин.

Собрав страницы с написанной Филом Дэнвилем речью, он запихнул их в карман пиджака. Брискин до сих пор даже в жару носил темный костюм, который вместе с огненно-рыжим париком был его визитной карточкой еще в те времена, когда он изображал клоуна в телевизионных новостях.

– Если произнесешь эту речь, твоя политическая карьера закончена, – заявил Хайм. – А если...

Он не договорил. Дверь открылась, и на пороге появилась жена Хайма, Патриция.

– Прошу прощения, если помешала, – сказала она, – но ваши крики превосходно слышны снаружи.

Хайм бросил взгляд на огромный зал за спиной жены, заполненный девочками-подростками – поклонницами Брискина, юными добровольцами, прибывшими со всех концов страны, чтобы поддержать кандидата от Либерально-республиканской партии.

– Извини, – пробормотал Хайм.

Пэт вошла в комнату и закрыла за собой дверь.

– Думаю, Джим прав.

Невысокая, с изящными формами – когда-то она была танцовщицей, – Пэт села в кресло и закурила.

– Если Джим будет выглядеть наивным, это пойдет ему только на пользу. – Она выпустила из бледных губ клуб серого дыма. – За ним до сих пор тянется репутация циника, в то время как он должен стать вторым Уэнделлом Уилки.

– Уилки проиграл, – заметил Хайм.

– И Джим может проиграть, – сказала Пэт, тряхнув головой, чтобы откинуть длинные волосы с глаз. – А в следующий раз выиграет. Суть в том, чтобы он представил себя ранимой и простодушной личностью, которая готова взвалить на свои плечи все страдания этого мира лишь потому, что такой уж он человек. Он ничего не может с этим поделать – и вынужден страдать. Понимаешь?

– Любительщина, – недовольно поморщившись, подытожил Хайм.

Шли секунды, камеры бездействовали, но стояли наготове. Наконец подошло время выступления. Джим Брискин сел за столик, из-за которого всегда обращался к публике. Перед ним на расстоянии вытянутой руки лежал лист с речью Фила Дэнвила. Погруженный в задумчивость, он ждал, когда телеоператоры подготовятся к записи.

Речь должна была передаваться на спутниковую ретрансляционную станцию Либерально-республиканской партии, а оттуда многократно транслироваться по всей стране. Вряд ли консервативным демократам удастся заглушить передачу – слишком силен был сигнал спутника ЛРП. Речь должна была достичь цели, несмотря на Закон Томпкина, позволявший глушить политические передачи. Одновременно будет глушиться и выступление Шварца – планировалось, что обе речи прозвучат в одно и то же время.

Напротив Брискина сидела Патриция Хайм. В операторской Джим заметил Сола, вместе с инженерами занятого проверкой качества записи.

Вдали от всех, в углу, сидел Фил Дэнвил. Никто с ним не разговаривал; в студию заходили разные люди, полностью игнорируя присутствие автора речи.

Техник кивнул Джиму, давая знак, что пора начинать.

– В наше время, – сказал в камеру Джим, – стало весьма популярным высмеивать старые планы колонизации планет. Как люди могли быть столь неразумны, пытаясь жить в совершенно нечеловеческих условиях... в мире, никогда не предназначавшемся для гомо сапиенс? В течение десятков лет они старались приспособить чуждую среду обитания к своим потребностям и... естественно, потерпели фиаско. – Он говорил медленно, взвешивая каждое слово, поскольку знал, что внимание слушателей сосредоточено на нем, и решил это использовать. – Так что теперь мы ищем готовую для нас планету, вторую Венеру, то есть планету, какой Венера никогда не была. Такую, какой мы надеялись ее увидеть, – покрытую буйной растительностью, влажную и зеленую. Словом, рай, который только нас и ждет.

Патриция Хайм задумчиво курила сигару «Эль Продукто Альто», ни на мгновение не спуская глаз с выступающего.

– Что ж, – продолжал Джим Брискин, – мы никогда ничего подобного не найдем. А даже если и найдем, то будет уже поздно – планета окажется слишком маленькой и слишком далекой. Вторую Венеру нам придется создавать самим. Можно смеяться до упаду над Бруно Мини, но факт остается фактом: он прав.

Сол Хайм с тоской наблюдал из операторской за Брискином. Надо же, все-таки Джим это сделал. Поддержал давно заброшенный проект Бруно Мини по преобразованию среды на других планетах. Безумие вернулось.

Камера отключилась.

Повернув голову, Джим Брискин перехватил взгляд Сола Хайма. Передача была прервана по распоряжению Сола.

– Не собираешься дать мне договорить? – спросил Джим.

– Нет, черт побери! – загремел в громкоговорителях голос Сола.

– Ты должен, он же кандидат, – бросила Пэт, вставая. – Если он сам хочет с собой покончить...

– Если ты снова его отключишь, – хрипло проговорил Дэнвил, тоже вставая, – я обо всем расскажу публично. Расскажу, что ты им пользуешься как марионеткой!

Он решительно направился к выходу. В серьезности его намерений можно было не сомневаться.

– Лучше включи, Сол. Они правы: ты должен позволить мне говорить, – вмешался Брискин. Он не чувствовал злости, лишь раздражение. Ему хотелось только одного – закончить свою речь. – Ну же, Сол, – тихо сказал он. – Я жду.

В операторской члены партии начали совещаться с Солом Хаймом.

– Он сдастся, – сказала Пэт Джиму Брискину. – Я знаю Сола.

Лицо ее не выражало никаких эмоций. Ситуация Патриции не нравилась, но она старалась этого не показывать.

– Ты права, – кивнул Джим.

– Но ты просмотрись запись, Джим? – спросила она. – Ради Сола. Чтобы быть уверенным, что ты сказал именно то, что хотел.

– Само собой, – ответил Джим. Он все равно собирался это сделать.

Из громкоговорителя раздался голос Сола Хайма:

– Черт бы тебя побрал, черномазый!

Джим Брискин, скрестив руки на груди, улыбался.

Красный огонек главной камеры вспыхнул снова.

Глава 2

После выступления пресс-секретарь Дороти Гилл поймала своего шефа в коридоре.

– Мистер Брискин, вы меня вчера просили выяснить, жив ли еще Бруно Мини. Так вот, он жив. – Мисс Гилл заглянула в блокнот. – Бруно Мини занимается закупками сухофруктов в Сакраменто. Похоже, он забросил свою деятельность по орошению планет, но не исключено, что ваша речь побудит его вернуться на прежнее поприще.

– Не уверен, – сказал Брискин. – Ему может не понравиться, что какой-то цветной подхватил и распространяет его идеи. Спасибо, Дороти.

К Брискину подошел Сол Хайм, качая головой.

– Джим, у тебя нет ни капли политического чутья.

– Возможно, – пожал плечами Брискин.

Настроение у него было ниже среднего, но, так или иначе, речь была записана, и ее сейчас передавали на спутник ЛРП. Сам Брискин ознакомился с записью довольно поверхностно.

– Я слышал, что говорила Дотти, – сказал Сол. – Теперь станет известно, кто такой на самом деле Мини, и это добавит нам проблем. Кстати, как ты насчет того, чтобы выпить?

– Согласен, – ответил Джим.

– Можно мне с вами? – спросила Патриция, подходя к мужу.

– Само собой, – кивнул Сол, обнимая жену. – Отменная выпивка с чудесными освежающими пузырьками. Как раз то, что любят женщины.

Выйдя на улицу, они увидели двух пикетчиков с транспарантами, на которых было написано:

ОСТАВИМ БЕЛЫЙ ДОМ БЕЛЫМ!

СОХРАНИМ ЧИСТОТУ АМЕРИКИ!

С минуту пикетчики, оба белые, таращились на кандидата в президенты и его свиту, а те, в свою очередь, наблюдали за пикетчиками. Никто не произнес ни слова. Репортеры шелкали камерами, запечатлевая немую сцену. Потом Сол и Патриция, а за ними и Джим Брискин двинулись дальше. Пикетчики остались позади.

– Подонки, – подытожила Пэт, когда они уселись за столиком коктейль-бара напротив телестудии.

– Такое уж у них призвание, – сказал Джим Брискин. – Видимо, бог их создал именно с этой целью.

Подобные демонстрации его не слишком волновали. В той или иной форме они являлись неотъемлемой частью его жизни с тех пор, как он себя помнил.

– Шварц ведь согласился не касаться во время выборов вопросов религии и расы, – не уступала Пэт.

– Билл Шварц – да, – ответил Джим Брискин. – Но Верн Энджел – нет. И это он возглавляет Движение за чистоту, а не Консервативно-демократическую партию США.

– Мне прекрасно известно, что КДП платит немалые деньги, чтобы поддерживать чистовиков на плаву, – пробормотал Сол. – Иначе они бы и дня не протянули.

– Не согласен, – возразил Брискин. – На мой взгляд, в любой момент может возникнуть враждебно настроенная организация, вроде чистовиков, и всегда найдутся люди, которые ее поддержат.

Лозунг чистовиков был вполне конкретным – они не хотели черного президента. И это было их право – одни поддерживали их требования, другие нет. Вполне естественная ситуация. «Зачем притворяться, будто расовой проблемы не существует? – спрашивал себя Брискин. – Существует, конечно. Я негр. Верн Энджел прав». Оставался вопрос, насколько большой процент электората разделяет взгляды чистовиков. Сами по себе они нисколько его не задевали, да и просто не были на это способны – слишком многое ему довелось испытать, играя в течение стольких лет роль клоуна в теленовостях. «Играя роль американского негра», – с горечью подумал он.

К их столику подошел мальчик, белый, с ручкой и блокнотом в руках.

– Мистер Брискин, можно попросить у вас автограф?

Джим поставил подпись, и мальчишка помчался назад к родителям, стоявшим в дверях бара. Молодые, хорошо одетые, явно из высших слоев общества – они помахали кандидату.

– Мы с вами! – крикнул мужчина.

– Спасибо, – ответил Джим, безуспешно пытаясь выглядеть столь же беспечно, как и они.

– У тебя неплохое настроение, – улыбнулась Пэт.

Он молча кивнул.

– Подумай обо всех этих людях с белой кожей, которые намереваются отдать свой голос за цветного, – сказал Сол. – Это в самом деле воодушевляет. И доказывает, что не все белые так безнадежны.

– Разве я когда-нибудь говорил нечто подобное? – спросил Джим.

– Нет, но в глубине души ты так считаешь. И не доверяешь никому из нас.

– Что за бред? – не на шутку разозлился Джим.

– Ну и что ты со мной сделаешь? – парировал Сол. – Зарежешь своей электрографической магнитной бритвой?

– Перестань, Сол! – вмешалась Пэт. – Почему ты так разговариваешь с Джимом? – Она нервно огляделась по сторонам. – А если кто-то подслушивает?

– Я просто пытаюсь вывести его из депрессии, – ответил Сол. – Не могу спокойно смотреть, как он падает духом. Демонстранты-чистовики его явно задели, но он не отдает себе в этом отчета. – Он бросил взгляд на Джима. – Я много раз слышал, как ты говоришь: «Меня невозможно обидеть». Ясное дело, что можно, черт побери. Вот, например, сейчас ты обижен. Ты хочешь, чтобы все тебя любили, неважно, белые или цветные. Не понимаю, как ты попал в политику. Тебе следовало оставаться клоуном, развлекающим старых и молодых. Особенно очень молодых.

– Я хочу помочь человечеству, – ответил Джим.

– Изменяя экологию планет? Ты серьезно?

– Если я получу пост президента, назначу Бруно Мини руководителем космической программы, даже без предварительной встречи. Я намерен дать Мини шанс, которого они бы никогда ему не дали.

– Если тебя выберут, ты сможешь помиловать доктора Сэндса, – вставила Пэт.

– помиловать? – Он озадаченно посмотрел на нее. – Но ведь его не судят, он разводится.

– Ты не слышал сплетни? – удивленно спросила Пэт. – Его жена хочет откопать какое-то давнее преступление, которое он совершил. Таким образом она расправится с Сэндсом и присвоит себе все их имущество. Никто пока не знает, в чем там дело, но миссис Сэндс дала понять, что...

– Не хочу ничего об этом слышать, – заявил Брискин.

– И правильно, – задумчиво сказала Пэт. – Развод Сэндса может тебе сильно повредить. Его любовница, Кэлли Вэйл, исчезла. Ходят даже слухи, будто ее убили. Возможно, у тебя действительно хорошее чутье, и мы тебе вовсе не нужны.

– Нужны, – возразил Брискин, не спеша потягивая из бокала. – Но не затем, чтобы впутывать меня в матримониальные проблемы доктора Сэндса.

Рик Эриксон, ремонтник фирмы «Джиффи-скатлеры Петеля, продажа и сервис», закурил и откинулся на спинку стула, упершись костистыми коленями в верстак, на котором лежал главный модуль поврежденного джиффи-скатлера, принадлежавшего доктору Лэртону Сэндсу.

В джиффи-скатлерах постоянно обнаруживались какие-то дефекты. Модель-прототип, едва поступив на рынок, сразу же сломалась. Это случилось много лет назад, но скатлеры с тех пор не сильно изменились.

Самый первый дефектный скатлер принадлежал Генри Эллису, трудившемуся в компании «Земные разработки». Как это часто бывает, Эллис не сообщил о дефекте своим работодателям... Это произошло еще до рождения Рика, и легенда, которую ему рассказали ремонтники скатлеров, гласила, что из-за неисправности своего аппарата Эллис угодил – во что трудно было поверить – в библейские времена.

В основе действия скатлеров лежала ограниченная возможность перемещения во времени. В трубе своего скатлера – по легенде – Эллис нашел некий участок, сквозь который отчетливо можно было увидеть другую реальность. Присмотревшись, он разглядел скопление крошечных фигурок, которые что-то верещали тонкими голосами и толпились совсем рядом, прямо за стенкой трубы.

Эллис не знал, кто они такие, но все же включился во взаимовыгодный обмен с этими человечками. Он принимал от них листки – удивительно маленькие и тонкие – с написанными на них вопросами и передавал эти бумажки группе, занимавшейся в «ЗР» расшифровкой языков, а затем, после того как вопросы человечков были переведены, вводил их в один из больших компьютеров компании, чтобы тот на них ответил. Потом он снова отправлялся в лингвистический отдел и наконец, уже ближе к вечеру, возвращался к трубе джиффи-скатлера, чтобы вручить человечкам ответы на их собственном языке.

Если всему этому верить, следовало признать, что Эллис был человеком весьма доброжелательным и отзывчивым.

Эллис предполагал, что человечки являются представителями внеземной расы, населяющей миниатюрную планету в какой-то иной системе. Но он ошибался. Они жили, опять же согласно легенде, в далеком прошлом самой Земли, и их языком был древнееврейский. Рикне не знал подробностей, но за нарушение неких правил Эллиса уволили, и с тех пор никто его больше не видел. Может, он эмигрировал? Впрочем, неважно. Задача «ЗР» теперь состояла в том, чтобы ликвидировать дефект в трубе и проследить, чтобы в последующих моделях скатлеров он больше не появился.

Неожиданно раздался звонок интеркома, установленного на краю верстака.

– Привет, Эриксон, – послышался голос Петеля. – Тут пришел доктор Сэндс и спрашивает про свой скатлер. Когда он будет готов?

Рик Эриксон со всей силы ударил рукояткой отвертки по корпусу скатлера. «Пойду наверх и поговорю с Сэндсом, а иначе я с ума сойду. Нет у этого скатлера той неисправности, про которую он твердит», – подумал он.

Перепрыгивая через ступеньки, Эриксон поднялся на первый этаж. Сэндс как раз собирался уходить. Ремонтник знал трансплантолога по его изображениям в гомеогазетах; ускорив шаг, он успел окликнуть клиента, когда тот уже был на тротуаре.

– Послушайте, доктор... с чего вы взяли, будто скатлер выбрасывает вас именно в Портленде, штат Орегон, или где вы там еще с его помощью побывали? Он на это просто не способен, он не создан для этой цели!

Они стояли друг против друга. Доктор Сэндс – хорошо одетый, худой, с небольшими залысинами и узким носом, почти дочерна загорелый – оценивающе разглядывал Эриксона и не спешил с ответом.

«Значит, это тот самый, про которого пишут гомеогазеты, – подумал Эриксон. – Ну что же, смотрится он неплохо, особенно в этом костюме из кожи маршанских кузнечиков».

И тем не менее чем-то он раздражал ремонтника. В манере Сэндса держаться чувствовалась какая-то беспомощность; несмотря на зрелый возраст и эффектную внешность, вид у него был наивно-добродушный и слегка удивленный, словно он не в состоянии был до конца осознать происходящее вокруг, да и с ним самим. И все же с первого взгляда становилось ясно, что Сэндс – истинный джентльмен.

– Но ведь так оно, похоже, и происходит, – тихо сказал он. – Жаль, что не могу сказать больше, я недостаточно сведущ в механике.

Он обезоруживающе улыбнулся, и Эриксону стало стыдно за свою грубость.

– Черт побери! – воскликнул он, поняв свою ошибку. – Это вина «ЗР». Они же не сумели до конца устранить дефект скатлеров еще много лет назад. Жаль, что вам попало такое барахло.

«А ты вроде парень ничего себе», – мысленно добавил он.

– Барахло, – повторил вслед за Эриксоном доктор. – Да, это все объясняет. – Он скорчил забавную гримасу. – Что ж, так уж мне везет в последнее время – не одно, так другое.

– Может, мне удастся убедить «ЗР», чтобы они приняли скатлер обратно и заменили новым, – предложил Эриксон.

– Нет, – мотнул головой доктор Сэндс. – Мне нужен именно этот.

Он произнес эти слова решительным тоном человека, который точно знает, чего хочет.

– Почему?

Действительно, какой смысл оставлять себе явное барахло? Да никакого. Честно говоря, вся эта история начинала выглядеть довольно подозрительно – слава богу, Эриксону приходилось иметь дело со многими клиентами.

– Потому что он мой, – ответил Сэндс. – Я сам его выбрал.

– Не надо мне на уши лапшу вешать, – вполголоса сказал Эриксон.

– Что-что? – переспросил Сэндс.

Он отступил на шаг, лицо потемнело. Все его добродушие вдруг куда-то исчезло, и Эриксону почему-то стало не по себе.

– Прошу прощения, не хотел вас обидеть... – пробормотал он.

– Отремонтируйте его. И побыстрее, – жестко проговорил доктор, повернулся и быстро пошел прочь.

«Да, с таким клиентом лучше не спорить, – думал Эриксон, возвращаясь на рабочее место. – А что, если собрать эту штуковину и устроить себе небольшое путешествие?» – продолжал размышлять он, спускаясь в мастерскую.

Мысли его снова вернулись к Генри Эллису, первому человеку, которому достался бракованный скатлер. Он вспомнил, что Эллис тоже не хотел его отдавать. И вероятно, причины для этого у него имелись.

Снова оказавшись в мастерской, Рик сел за верстак и начал собирать главный модуль скатлера доктора Сэндса. Установил его на прежнее место и подключил к схеме.

«А теперь посмотрим, куда нас занесет», – подумал он, создавая силовое поле.

Пройдя через блестящий обруч, Рик, как обычно, оказался в серой бесформенной трубе. Позади остался его верстак. А впереди виднелся... Нью-Йорк. Слегка размытое изображение улицы, на углу которой находилась контора доктора Сэндса. За ней клином вонзалось в землю огромное здание – небоскреб, возведенный из пластика и рексероидных смесей с Юпитера, с бесчисленными этажами и окнами... а дальше в глазах рябило от реактивных машинок, под-

нимавшихся и спускавшихся с эстакад, вдоль которых беспорядочно бегали толпы пешеходов, столь плотные, что казалось, еще немного, и они передавят друг друга. Крупнейший город мира, четыре пятых которого находились под землей, – то, что видел Эриксон, составляло лишь ничтожную часть целого. Ни один человек, даже проживший сто лет «джерри», никогда не видел город полностью – настолько тот был огромен.

«Вот видишь, доктор? – пробормотал себе под нос Эриксон. – Твой скатлер прекрасно работает; это вовсе не Портленд, штат Орегон, а именно то, что и должно быть».

Присев, Рик со знанием дела провел рукой по поверхности трубы. В поисках чего? Он сам не знал. Но наверняка должно быть нечто, что оправдывало бы упрямство доктора Сэндса, желавшего оставить себе именно этот скатлер.

Он не спешил. И намеревался найти то, что искал.

Глава 3

Речь Джима Брискина, записанная днем и переданная ночью через спутник ЛРП, явилась последней каплей, переполнившей чашу терпения Солсбери Хайма. И потому, выкроив свободный часок, он поймал реактивное такси и отправился искать утешения на спутник «Золотые врата».

«Пусть Джим болтает что хочет насчет этой дурацкой программы Бруно Мини, – думал он, удобно устроившись на заднем сиденье реактивного такси и радуясь, что может хоть немного расслабиться. – Пускай сам себе перережет глотку. По крайней мере, я не собираюсь в этом участвовать. Вообще у меня порой возникает желание еще до выборов перейти в КДП».

Билл Шварц, несомненно, охотно принял бы его в свою партию. Хайму были известны настроения оппозиции. Шварц в свое время осторожно дал понять, что идея Хайма разделить с ним власть могла бы ему понравиться. Однако Хайм пока не чувствовал себя готовым к подобному шагу.

По крайней мере, до сегодняшнего дня. Но после сюрприза, который преподнес ему Джим Брискин, да еще в такой ситуации, когда у партии полно и других проблем... кто знает?

Из последних опросов следовало, что Брискин продолжает отставать от Шварца. Несмотря на то что ему обеспечены голоса цветных, в том числе пуэрториканцев с Восточного побережья и мексиканцев с запада, это еще не обещало бесспорной победы. А почему Брискин отставал? Потому что все белые пойдут к урнам, в то время как явка цветных в день выборов составит лишь около шестидесяти процентов. Притом, как это ни странно, большинство относятся к Джиму равнодушно. Возможно, они считают – а он слышал подобные разговоры, – что Джим проданся системе власти белых. Так что даже цветные не признают Брискина своим лидером, и в каком-то смысле они правы.

И все потому, что Джим Брискин представляет интересы как белых, так и цветных.

– Приехали, сэр, – сообщил темнокожий таксист.

Машина замедлила ход и остановилась на посадочной площадке, контурами напоминавшей женскую грудь, в десятке ярдов от розового соска, служившего местным маяком.

– Вы руководитель кампании Джима Брискина? – обернувшись, спросил водитель. – Я вас узнал. Послушайте, мистер Хайм, Брискин ведь не проданся, правда? Многие так считают, но он не мог бы предать, я знаю.

– Джим Брискин, – ответил Хайм, ища бумажник, – никому не проданся. И никогда этого не сделает. Можешь сказать это своим приятелям.

Он расплатился, чувствуя себя крайне отвратительно.

– Но это правда, что...

– Да, он сотрудничает с белыми. Например, со мной. И что с того? Может быть, белые должны вообще исчезнуть с лица земли, если Брискина выберут? Этого всем вам хочется? Ну так вот: не дождетесь.

– Кажется, я понимаю, о чем вы, – кивнул водитель. – Вы считаете, что Брискин думает обо всех, так? Он принимает близко к сердцу как проблемы белого меньшинства, так и цветного большинства. Он хочет защищать всех, даже вас, белых.

– Вот именно, – подтвердил Солсбери Хайм, открывая дверцу такси. – Даже нас, белых, как ты выразился.

«Да, даже нас. Ибо мы этого заслуживаем», – подумал он, сходя на тротуар.

– Здравствуйте, мистер Хайм, – приветствовал его мелодичный женский голос.

Хайм обернулся.

– Фисба! – обрадовался он. – Как дела?

– Рада, что ты не остаешься на Земле лишь потому, что твой кандидат нас не одобряет, – сказала Фисба Ольт, подняв окрашенные в зеленый цвет брови так, что они образовали дугу над глазами. На узком лице Фисбы поблескивали бесчисленные светящиеся точки, вживленные под кожу. Их сияние окружало ее аурой потусторонности и создавало образ непрерывно обновляющейся красоты. Фисба действительно не раз «реставрировала» себя за последние несколько десятилетий. Изящная и хрупкая, она теребила кисти расшитой драгоценными камнями шали, которая прикрывала ее обнаженные плечи. Она оделась так специально для встречи с Хаймом.

Сол был благодарен ей за это. Она очень ему нравилась, и уже давно.

– Почему ты считаешь, что Джим Брискин против вас? – уклончиво спросил он. – Разве он когда-либо высказывался на эту тему?

Насколько он знал, взгляды Джима относительно «Золотых врат» не являлись достоянием гласности. По крайней мере, он пытался их скрывать.

– Мы все знаем, Сол, – ответила Фисба. – Думаю, тебе стоит поговорить с Джорджем-Уолтом; они внизу, в кабинете на уровне С. Они хотят кое-что тебе сказать. Я слышала, как они это обсуждали.

– Я прилетел сюда не затем, чтобы... – устало возразил Сол.

Но – к чему спорить? Если владельцы «Золотых врат» желают его видеть, то лучше подчиниться их воле.

– Ладно, – сказал он и двинулся следом за Фисбой в сторону лифта.

Разговор с Джорджем-Уолтом каждый раз оказывался для Хайма мучительным, несмотря на все его старания этого избежать. Хозяева «Золотых врат», будучи физически неполноценными, тем не менее обладали огромной экономической властью в обществе. Спутник «Золотые врата» был, по слухам, лишь одним из их владений, разбросанных по всей финансовой карте современного мира. Джордж-Уолт был близнецами-мутантами, соединенными у основания черепа таким образом, что одна голова служила двум телам. Насколько помнил Хайм, за личность Джорджа отвечало одно из мозговых полушарий – правое. Личность же Уолта определяли процессы в другом полушарии. При этом обе личности различались взглядами и потребностями, и каждая имела отдельный глаз для созерцания внешнего мира.

Когда двери лифта открылись на уровне С, Сола остановил стюард в форме, исполнявший функции охранника.

– Мистер Джордж-Уолт хотят меня видеть, – сказал Сол. – Так мне сообщила мисс Ольт.

– Прошу вас, мистер Хайм. – Стюард уважительно коснулся фуражки и повел гостя по тихому, устланному ковром коридору.

Сола провели в огромный зал, где на диване сидели Джордж-Уолт. Оба тела одновременно встали. Общая голова, принадлежащая двум отдельным личностям, приветственно кивнула, губы изогнулись в улыбке. Один глаз – левый – пристально глядел на вошедшего, второй беспокойно блуждал, словно наблюдая за всем сразу.

Голова на двух сросшихся шеях была несколько откинута назад, потому что Джордж-Уолт пытались окинуть взглядом каждого, с кем разговаривали. Размеры головы, так же как и обоих тел, ничем не отличались от нормы. На левом теле – Сол не мог бы сказать с уверенностью, Джордж это или Уолт, – была одежда попроще: хлопчатобумажная рубашка, широкие штаны и сандалии; правое же тело было облачено в однотонный костюм с галстуком и серую жилетку на пуговицах, руки его были глубоко засунуты в карманы брюк – все это давало правой фигуре определенную солидность. Казалось, что она намного старше своей левой половины-близнеца.

– Это Джордж, – приятным голосом произнесла голова. – Как дела, Сол Хайм? Рад тебя видеть.

Левое тело протянуло руку. Сол подошел и осторожно ее пожал. Уолт же не счел нужным обмениваться рукопожатиями. Руки его оставались в карманах.

– Это Уолт, – сказала голова, на сей раз не столь дружелюбно. – Мы хотели бы поговорить о твоём кандидате, Хайм. Сядь, выпей. Что предпочитаешь?

Оба тела подошли к серванту, в котором был устроен изысканный бар. Руки Уолта открывали бутылку бурбона, в то время как Джордж ловко смешивал сахар и воду с горькой настойкой на дне стакана. Приготовив напиток, они вернулись к Солу.

– Спасибо. – Хайм взял у них стакан.

– Это Уолт, – обратилась к нему голова. – Мы знаем, что, если Джим Брискин будет избран, он поручит своему генеральному прокурору найти способ закрыть спутник. Это так?

Оба глаза одновременно пронзали его взглядом.

– Не знаю, с чего вы это взяли, – спокойно ответил Сол.

– Это Уолт, – сказала голова. – Утечка информации, потому и знаем. Ты понимаешь, что это значит? Нам придется теперь поддерживать Шварца. А ведь тебе известно, сколько передач отсюда ежедневно идет на Землю.

Сол вздохнул. «Золотые врата» поддерживали постоянный поток низкопробных шоу, лившийся по общедоступным каналам. Эти шоу смотрел почти каждый житель страны, они, особенно массовая оргия со знаменитым выступлением самой Фисбы, в котором она демонстрировала работу своих мышц, сокращавшихся и расслаблявшихся в двадцати направлениях одновременно и выкрашенных в четыре цвета, были приманкой, обеспечивавшей всю деятельность спутника. Но ведущие этих шоу без особого труда могли и склонить избирателя на сторону противника Брискина.

Сол Хайм опорожнил стакан.

– Можете сколько угодно науськивать своих шоуменов против Джима. Так или иначе, мы выиграем выборы, а тогда, будьте уверены, Брискин прикажет вас прикрыть. Лично гарантирую вам это прямо сейчас.

На лице Джорджа-Уолта отразилось беспокойство.

– Грязная и-игра, – заикаясь, произнесла голова.

Сол пожал плечами.

– Я лишь защищаю интересы своего клиента, которому вы угрожаете. Вы первые начали.

– Это Джордж. Вот что мы должны сделать. Послушай, Уолт. Устроим так, чтобы Джим Брискин появился в «Золотых вратах» и его публично сфотографировали, – заявила голова, а затем самодовольно добавила: – Неплохая идея, а, Сол? Брискин приезжает сюда и посещает одну из девушек. Репортеров мы предупредим. Это положительно повлияет на его имидж, всем станет ясно, что он нормальный мужик, а не баба. Так что от этого вы только выиграете. А потом он произнесет в наш адрес несколько комплиментов. Впрочем, это не обязательно. Он мог бы, например, сказать, что национальные интересы требуют...

– Он никогда на это не согласится, – заявил Сол. – Скорее проиграет выборы.

– Мы дадим ему любую девушку, какую он только пожелает, – жалобно проговорила голова. – Господи, у нас их пять тысяч!

– Увы, – ответил Сол Хайм. – Если бы вы предложили такое мне, я бы ни секунды не колебался. Но не Джим. Он старомодный пуританин, реликт двадцатого века.

– Или даже девятнадцатого, – язвительно заметила голова.

– Можете говорить что хотите, – кивнул Сол. – С Джимом это не пройдет. У него свои принципы. Он утверждает, что деятельность спутника аморальна. Все здесь происходит тупо и механически, без каких-либо человеческих чувств – бум, бум, бум. Автоматизированный комплекс услуг. Мне это не мешает, как, впрочем, и большинству людей, – просто экономия времени. Джиму, однако, подобное не нравится, поскольку он сентиментален.

Две правые руки поднялись в угрожающем жесте, голова же громко заявила:

– К черту все! Мы тут настолько сентиментальны, что дальше некуда. В каждой комнате играет музыка, девушки должны обращаться к гостю исключительно по имени – и никак

иначе! Чего еще надо? – вопил писклявый голос. – Чего? Брачная церемония до и процедура развода после, чтобы все было законно, – так, что ли? А может, мы должны учить девушек вышивать крестиком, а ты будешь платить лишь за то, чтобы увидеть слегка приоткрытую лодыжку? Послушай, Сол. – Голос зазвучал тише, в нем послышались зловещие нотки. – Послушай, Хайм. Мы знаем, как дела делаются. Не вмешивайся в наши, а мы оставим в покое твои. С сегодняшнего дня наши ведущие будут включать Шварца во время каждой передачи на Землю, в самой середине знаменитого главного номера, когда девушки... ну, ты знаешь. Да, именно эту часть передачи я имею в виду. Мы организуем настоящую кампанию. Мы обеспечим переизбрание Биллу Шварцу. А этот цветной зануда потерпит сокрушительное поражение.

Сол не произнес в ответ ни слова. В большом, устланном коврами кабинете царила абсолютная тишина.

– Ничего не скажешь, Сол? Так и собираешься сидеть?

– Я приехал сюда к девушке, которая мне нравится, – ответил Сол. – Ее зовут Спарки Риверс. Я хотел бы ее увидеть. – Он чувствовал себя совершенно измотанным. – Она не такая, как остальные... По крайней мере, те, с которыми я был, – пробормотал он, потирая лоб. – Нет, сейчас я слишком устал. Я передумал. Ухожу.

– Если она настолько хороша, как ты говоришь, то тебе вовсе не придется тратить силы, – рассмеялась голова, довольная своей шуткой. – Вызови сюда шлюшку по имени Спарки Риверс, – бросила она в микрофон; одновременно рука нажала кнопку на столе.

Сол Хайм устало кивнул. Возможно, мутант прав. К тому же именно за этим Сол сюда и прилетел – за древним испытанным средством.

– Ты слишком много работаешь, – участливо проговорила голова. – В чем проблема, Сол? Проигрываешь? Тебе и впрямь нужна наша помощь.

– Помощь, шпомощь, – издевательски передразнил Сол. – Мне нужно шесть недель отдыха, и притом не в «Золотых вратах». Сесть в такси и отправиться в Африку – охотиться на пауков, или что там сейчас модно.

Из-за всех своих проблем он основательно отстал от жизни.

– Большие пауки-копатели давно никого не интересуют, – сообщила голова. – Теперь снова охотятся на ночных бабочек.

Правая рука Уолта показала на стену. Там за стеклом Сол увидел три огромных радужных экземпляра, освещенных ультрафиолетовой лампой.

– Я сам их поймал, – сказала голова и тут же начала возмущаться: – Нет, это не ты их поймал, а я. Ты их увидел, но в морилку засунул их я.

Пока близнецы спорили, кто из них поймал африканских бабочек, Сол Хайм молча дожидался появления Спарки Риверс.

Первоклассный и дорогостоящий – и к тому же темнокожий – частный детектив Тито Кравелли из Нью-Йорка вручил сидевшей напротив женщине сводку, полученную от компьютера «Альтак 3-60». Это была хорошая машина.

– Сорок больниц, – сказал он. – Сорок пересадок за последний год. Статистически маловероятно, чтобы в Резервном фонде органов ООН за такое короткое время нашлось столько донорского материала. Однако это вполне возможно. Короче говоря, у нас снова ничего нет.

Майра Сэндс задумчиво разгладила складки юбки и закурила.

– Выберем несколько больниц наугад. Я хочу, чтобы ты проследил как минимум за пятью или шестью. Сколько на это понадобится времени?

Тито молча подсчитал.

– Допустим, два дня. Если мне придется лично с кем-то встречаться. Однако полагаю, что хотя бы часть вопросов удастся решить по телефону...

Ему нравилось пользоваться продукцией Американской видеотелефонной корпорации; это означало, что он мог решать свои дела, сидя за «Альтаком 3-60». Как только появится что-нибудь интересное, он введет данные в компьютер и тут же получит результат. К «Альтаку» он испытывал искреннее уважение. Год назад, когда приобрел машину, та оказала ему хорошую услугу. Кравелли не позволял ей простаивать без дела. Но иногда...

Ситуация была непростой. Майра Сэндс относилась к тем людям, что любят ясность и определенность во всем. Либо «а», либо «б». Она как никто другой умела использовать аристотелевский закон исключенного среднего. Тито восхищался этой сорокалетней женщиной, привлекательной, высокообразованной, светловолосой. Она сидела напротив него выпрямившись, в желтой блузке из кожи лунной лягушки. У нее были длинные изящные ноги. Острый подбородок свидетельствовал о неуступчивом характере. Майра была типичная деловая женщина. Будучи одним из крупнейших специалистов в области терапевтических аборт, она имела высокооплачиваемую работу, пользовалась заслуженным уважением коллектива и отдавала себе в этом отчет. А Тито Кравелли с почтением относился к каждому, кто имел свое дело. В конце концов, он тоже был сам себе хозяин. У них с Майрой было нечто общее. Естественно, Майра, будучи ужасным снобом, стала бы это отрицать. Для нее Тито Кравелли был лишь работником, нанятым для проверки, а точнее, получения некоторых сведений насчет ее мужа.

Тито никак не мог понять, почему Лэртон Сэндс на ней женился. Наверняка с самого начала между ними возникли разногласия – психологические, социальные, сексуальные и профессиональные. Невозможно объяснить, какие химические процессы связывают мужчину и женщину, а затем заключают супругов в оковы ненависти и вынуждают их причинять друг другу боль. Бывает, что такое продолжается в течение девяноста лет. Кравелли видел уже столько подобных случаев, что предпочитал оставаться холостяком.

– Позвони в больницу Латтимор в Сан-Франциско, – велела Майра. – В августе Лэртон произвел там пересадку селезенки некоему майору. По фамилии, кажется, Воллек или что-то в этом роде. Помню, тогда Лэртон... как бы это сказать... слишком много выпил. Это было ближе к вечеру, за обедом. Лэртон что-то болтал насчет «крупной суммы» за селезенку. Видишь ли, Тито, ООН жестко фиксирует цены на отдельные органы, и цены эти не слишком высоки. Даже напротив, они слишком низкие... Именно поэтому фонду так часто не хватает органов. Вовсе не из-за отсутствия поставок. Причина в том, что реципиентов чертовски много.

– Гм... – пробормотал Тито.

– Лэртон всегда говорил, что если бы фонд органов решил поднять цены...

– Вы уверены, что речь идет о селезенке? – спросил Тито.

– Да, – кивнула Майра, выпуская струйку серого дыма, который потянулся к лампе у нее за спиной, образовав легкое облачко.

На улице уже стемнело – было полвосьмого вечера.

– Селезенка, – повторил Тито. – В августе этого года. В больнице Латтимор в Сан-Франциско. Майор по фамилии...

– Сейчас мне кажется, что фамилия была Воцек, – вмешалась Майра. – Или это композитор?

– Это название оперы, – сказал Тито. – Оперы Берга. В наше время ее редко ставят. – Он снял трубку видеофона. – Свяжусь с администрацией Латтимор; на побережье сейчас только половина пятого.

Майра встала и начала расхаживать по кабинету, потирая руки в перчатках, что здорово раздражало Тито – он не мог сосредоточиться на разговоре.

– Вы обедали? – спросил он, ожидая соединения.

– Нет, но я ем самое раннее в половине девятого или в девять. Это варварство – есть раньше.

– В таком случае могу ли я пригласить вас на ужин, миссис Сэндс? Я знаю один превосходный армянский ресторанчик в Виллидже. Еду там готовят люди.

– Люди? А кто же еще?

– Люди, а не автоматы, – пробормотал Тито. – Вы что, никогда не пробовали автоматически приготовленную пищу? – Что ж, Сэндсы богаты и, возможно, ежедневно питаются блюдами, которые готовили повара. – Я лично терпеть не могу такую еду. Она всегда одинаковая. Никогда не подгорает, никогда... – Он замолчал. На экране видеофона появилось изображение сотрудницы больницы Латтимор.

– Добрый день, мисс, это «Консультации по вопросам долголетия» из Нью-Йорка. Хотелось бы получить сведения об операции, сделанной в августе майору Воцкеку или Воллеку. Пересадка селезенки.

– погоди! – неожиданно вмешалась Майра. – Я вспомнила, это была не селезенка, а островок Лангерганса. Ну, знаешь, часть поджелудочной железы, которая управляет выработкой сахара в организме. Лэртон упомянул об этом, когда увидел, как я насыпаю две ложки сахара в кофе.

– Сейчас проверю, – сказала сотрудница из Латтимор, услышав слова Майры.

– Я хотел бы узнать, когда орган был получен из фонда, – добавил Тито. – Не могли бы вы найти точную дату?

Он ждал, когда ему сообщат нужные сведения. Терпению он научился на работе, для которой оно требовалось, пожалуй, даже в большей степени, чем ум.

Наконец девушка сообщила:

– Двенадцатого августа этого года была сделана пересадка полковнику Вайсвассеру. Островок Лангерганса был получен из фонда органов накануне – одиннадцатого августа. Операцию произвел Лэртон Сэндс, он также подтвердил качество донорского материала.

– Спасибо. – Тито отключился.

– Офис фонда органов закрыт, – напомнила Майра, когда детектив снова начал набирать номер. – Придется тебе подождать до завтра.

– У меня там свой человек, – ответил Тито.

В конце концов ему удалось соединиться с Гасом Андерсоном, его агентом в фонде органов.

– Это Тито. Гас, проверь для меня, получил ли хирург, о котором мы с тобой говорили, донорский орган – островок Лангерганса. Это могло произойти одиннадцатого августа.

Андерсон перезвонил почти сразу.

– Да. Одиннадцатого августа, островок Лангерганса. Орган доставлен хоппером в больницу Латтимор в Сан-Франциско. Все как обычно.

Тито раздраженно прервал связь. После короткой паузы Майра Сэндс, все еще продолжавшая кружить по кабинету, воскликнула:

– У меня нет никаких сомнений, что он получал органы нелегально! Он никогда никому не отказывал, а ведь в резервах фонда попросту не нашлось бы столько органов. Он наверняка получал их из другого источника и продолжает заниматься этим сейчас, я знаю.

– Знать – это мало. Надо еще и доказать...

Повернувшись к детективу, Майра бросила:

– Кроме Резервного фонда органов ООН, существует только одно место, которым он мог бы пользоваться.

– Согласен, – кивнул Тито. – Но, как сказал ваш адвокат, лучше найти доказательство, прежде чем формулировать обвинение. Ибо в противном случае Лэртон подаст на вас в суд за диффамацию, клевету, пасквиль и все такое прочее. У него просто не будет другого выхода.

– Не нравится тебе вся эта история, – сказала Майра.

Тито пожал плечами.

– Она и не обязана мне нравиться, но это не имеет значения.

– Но ты считаешь, что я вступила на опасный путь.

– Да. Даже если в самом деле Лэртон Сэндс...

– Не говори «если»! Ты прекрасно знаешь, что он фанатик. Он до такой степени отождествляет себя со своим публичным образом спасителя человечества, что утратил связь с реальностью. Вероятно, он начинал с единичных случаев, казавшихся ему исключительными; ему требовался конкретный орган, и он его попросту брал. В следующий раз... – Майра пожала плечами, – было уже проще. И так далее.

– Понимаю, – согласился Тито.

– Кажется, я знаю, что мы должны сделать, – продолжала Майра. – Что ты должен сделать. Выясни у своего информатора, какой орган в данный момент отсутствует в фонде. Потом организуй еще одну экстренную ситуацию. Пусть кто-нибудь в какой-нибудь больнице попросит Лэртона сделать пересадку именно этого конкретного органа. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что это будет стоить целое состояние. Но я готова покрыть все расходы. Ясно?

– Да, – ответил Тито.

Иными словами, нужно было поймать Лэртона Сэндса за руку. Использовать его решимость, с которой он брался за спасение жизни умирающих... Сделать гуманизм орудием его гибели. Что за способ зарабатывать на жизнь, подумал Тито. Еще один день, еще один доллар... Такова жизнь. Но не тогда, когда оказываешься втянутым в нечто подобное.

– Я знаю, ты сумеешь это организовать, – горячо проговорила Майра. – Ты ведь имеешь опыт в таких делах?

– Да, миссис Сэндс, – ответил Тито. – Вероятно, я сумею поймать вашего мужа в ловушку, водя его за нос. Это не так уж трудно.

– Позаботься, чтобы твой «пациент» предложил щедрую плату, – сухо сказала Майра. – Лэртон обязательно им займется, как только почует хорошие деньги. На самом деле только они его и интересуют, а вовсе не благородные идеи, как воображаешь ты и вся эта чертова публика. Я знаю, поскольку прожила с ним немало лет. Он делился со мной самыми сокровенными мыслями. – Майра слегка улыбнулась. – Мне стыдно, что приходится говорить тебе, как ты должен исполнять свои обязанности. Но, судя по всему, у меня нет иного выхода.

На ее лице снова появилась улыбка, холодная и преувеличенно строгая.

– Ценю вашу помощь, – натянуто проговорил Тито.

– Нет, вовсе не ценишь. Ты думаешь, что я затеваю что-то безнравственное, и не только из мести.

– Ничего я не думаю, – ответил Тито. – Мне просто хочется есть. Может, вы и не садитесь за стол до половины девятого, но у меня уже сосет под ложечкой, я привык есть около семи. Так что – прошу прощения. – Он встал, отодвинув кресло. – Я хочу закрыть контору.

На сей раз он уже не предлагал ей поужинать вместе. Майра Сэндс взяла плащ и сумочку.

– Тебе удалось выяснить, где сейчас Кэлли Вэйл? – спросила она.

– Увы, – ответил Тито.

– Почему ее до сих пор не нашли? Должна же она где-то быть? – пристально глядя на него, сказала Майра.

Казалось, она ему не верила.

– В суде тоже не знают, куда она делась. Но я уверен, что она появится до начала процесса.

Тито самого удивляло, что его люди до сих пор не нашли любовницу доктора Сэндса. Ведь существовало не так много мест, где можно было бы спрятаться. А отслеживающие устройства за последние два десятилетия достигли невероятной степени совершенства.

– Я начинаю сомневаться в твоём профессионализме, – холодно заявила Майра. – Не поручить ли мне свои дела кому-нибудь другому?

– Ваше право, – сказал Тито.

У него отчаянно сосало под ложечкой. Он почти уже отчаялся поесть сегодня вечером.

– Ты должен найти мисс Вэйл, – потребовала Майра. – Она знает все детали деятельности Лэртона. Потому он ее и спрятал. В груди у этой женщины бьется сердце, которое он для нее раздобыл.

– Хорошо, миссис Сэндс, – сказал Тито, почти корчась от мук голода.

Глава 4

Черноволосый и очень смуглый молодой человек смущенно проговорил:

– Мы пришли к вам, миссис Сэндс, потому что прочитали о вас в гомеогазете. Там было написано, что вы хороший специалист и что принимаете не только богатых. – Помолчав, он добавил: – Сейчас у нас совсем нет денег, но мы постараемся заплатить позже.

– Пусть это вас не беспокоит, – ответила Майра Сэндс, внимательно разглядывая парня и девушку. – Так-так... Вас зовут Арт и Рэчел Чаффи. Садитесь, поговорим.

Как и полагалось профессионалу, она доброжелательно улыбнулась. Подобного рода улыбка предназначалась исключительно для клиентов. Она не устаивала ей даже собственного мужа, вернее, бывшего мужа – каковым теперь считала Лэртона.

– Мы хотим, чтобы нас сделали гибами, – тихо сказала девушка, Рэчел. – Но нам сказали, что сперва мы должны с кем-нибудь посоветоваться. Я... в общем, я беременна, – объяснила она. – Мне очень жаль. – Она смущенно потупилась. Щеки ее стали ярко-красными. – Жаль, что теперь не разрешают, как еще несколько лет назад, просто покончить с собой, – пробормотала она. – Это бы сразу все решило.

– Тот закон был не самым лучшим решением проблемы, – уверенно заявила Майра. – Глубокий сон – средство, конечно, несовершенное, и все же он явно предпочтительнее прежней формы самоуничтожения, так сказать, в индивидуальном порядке. На каком ты месяце?

– Примерно полтора, – ответила Рэчел Чаффи, слегка приподняв голову.

Хотя бы на мгновение ей удалось заглянуть Майре в глаза.

– В таком случае процедура аборта не составит проблем, – сказала Майра. – Обычная рутина. Мы можем это устроить еще до полудня, и к шести вечера все уже закончится. В любой бесплатной правительственной клинике. Минуту.

Дверь в кабинет приоткрылась, и в него заглянула секретарша Майры.

– В чем дело, Тина?

– Срочный телефонный звонок, миссис Сэндс.

Майра включила видеофон. На экране появилось лицо Тито. Детектив задыхался от возбуждения.

– Миссис Сэндс, – сказал Тито, – прошу прощения, что звоню столь рано и мешаю вам работать, но все приборы-ищейки завершили поиск и вернулись на базу. Я решил, что вам хотелось бы узнать результат. Кэлли Вэйл на Земле нет. Это мы точно установили.

Он замолчал, ожидая ответа Майры.

– Значит, она эмигрировала, – заявила Майра, пытаясь представить себе, каково придется изящной и болезненно хрупкой Кэлли Вэйл в суровом климате Марса или Ганимеда.

– Нет! – Кравелли отрицательно покачал головой. – Разумеется, мы проверили и этот вариант. Кэлли Вэйл не эмигрировала. Невероятно, но факт – в нашем расследовании мы так никуда и не продвинулись. Мы оказались перед лицом ситуации, которой просто не может быть.

Похоже, это его не слишком радовало. Лицо на экране видеофона было мрачным.

– Ее нет на Земле, и она не эмигрировала, – задумчиво проговорила Майра. – В таком случае... – Она уже все поняла. Почему это не пришло ей в голову сразу, как только Кэлли исчезла из поля зрения? – Девчонка в каком-то из правительственных хранилищ! Кэлли – гиб.

Другого объяснения просто не могло быть.

– Мы сейчас этим занимаемся, – без особого энтузиазма сказал Тито. – Согласен, подобное возможно, но мне все же не верится. Я лично считаю, что доктор и Кэлли придумали что-то новое, оригинальное. Готов побиться об заклад, что так оно и есть. – Голос Кравелли звучал уверенно. – Конечно, мы проверим все девяносто четыре хранилища Департамента обще-

ственного благосостояния. Но на это потребуется еще как минимум несколько дней. – Детектив заметил молодую пару, которая молча ждала. – Ладно, детали обсудим позже, спешить некуда.

«Может, и в самом деле предположения прессы верны – Лэртон попросту убил любовницу, чтобы Фрэнк Феннер не мог привлечь ее в качестве свидетеля», – подумала Майра.

– Ты веришь, что Кэлли Вэйл мертва? – спросила она у Тито.

На сидевших рядом молодых людей она не обращала внимания. Их можно было не принимать в расчет.

– Ничего не могу...

Майра прервала связь, и экран погас. «Ничего не могу сказать по этому поводу», – мысленно закончила она за Тито.

А кто может? Лэртон? Вероятно, даже он не знает, где Кэлли. Может, она от него сбежала? Отправилась на «Золотые врата» и под вымышленным именем присоединилась к отрядам тамошних девиц? Майра с наслаждением представила любовницу своего бывшего мужа в виде одного из созданий Фисбы – бесполок автоматов – и беззвучно рассмеялась.

«Самое подходящее для тебя место, Кэлли, – подумала она. – На всю твою оставшуюся жизнь. На следующие двести лет».

– Извините, что прервала, – обратилась она к сидящей напротив паре. – Продолжайте, пожалуйста.

– Ну, в общем, – смущенно начала Рэчел, – мы с Артом почувствовали, что... Мы все продумали насчет аборта и уже не хотим его делать. Не знаю почему, миссис Сэндс. Я знаю, что нам следовало бы так поступить. Но мы не можем.

Наступила тишина.

– В таком случае не понимаю, почему вы здесь, раз уже все решили, – сказала Майра. – С практической точки зрения вам все равно придется через это пройти. Вероятно, боитесь... все-таки вы еще очень молоды. Я не уговариваю. Решения подобного рода каждый должен принимать сам.

– Мы не боимся, миссис Сэндс, – негромко сказал Арт. – Не в том дело. Мы... в общем, мы хотели бы иметь ребенка. Вот и все.

Майра Сэндс не знала, что ответить. За многие годы практики она никогда не сталкивалась с подобным случаем, и слова Арта сбили ее с толку. Похоже, день начинался не лучшим образом. Вместе со звонком Тито это уже чересчур. И к тому же с самого утра – еще и девяти не было.

В подвале фирмы «Джиффи-скатлеры Петеля, продажа и сервис» механик Рик Эриксон уже второй день готовился войти в дефектный скатлер доктора Сэндса. Он все еще не нашел того, что искал.

Однако сдаваться Рик не собирался. Интуиция подсказывала, что он уже близок к цели.

– Ты чем это занимаешься? – раздался голос у него за спиной.

Эриксон испуганно вскочил и обернулся. В дверях мастерской стоял его работодатель, Дариус Петель, – крепко сложенный, в слегка помятом темно-коричневом старомодном костюме, который он обычно носил.

– Это скатлер доктора Сэндса, – сказал Эриксон. – Можешь смеяться, но мне кажется, что где-то внутри спрятана его любовница.

– Что? – Петель громко расхохотался.

– Серьезно. Не думаю, что она мертва, хотя я разговаривал с Сэндсом достаточно долго, чтобы понять: доктор способен убить, если сочтет это необходимым, – такой уж он человек. Так или иначе, никто не может найти Кэлли Вэйл, даже миссис Сэндс. И не найдут, потому что скатлер Лэртона у тебя в подвале, скрытый от посторонних глаз. Что бы ни говорил Сэндс, он вовсе не хочет забирать отсюда машину. Ему как раз нужно, чтобы она была здесь.

– Интересная мысль. – Петель пристально смотрел на своего работника. – Значит, у тебя появилось хобби? В рабочее время сочиняешь детективные истории?

– Да ты послушай! – воскликнул Эриксон. – Даже если это не принесет тебе никакой прибыли... Черт побери, а может, и принесет! Если мне повезет и я найду Кэлли, ты сможешь продать ее миссис Сэндс.

Помолчав, Дариус Петель пожал плечами:

– Ладно, ищи дальше. Если действительно найдешь...

Рядом с Петелем появился продавец, Стюарт Хэдли.

– Что тут у вас, Дар? – весело спросил он. Ему, как всегда, до всего было дело.

– Рик ищет любовницу доктора Сэндса. – Петель показал большим пальцем на скатлер.

– Красивая? – У Хэдли заблестели глаза.

– Ты же видел ее в гомеогазетах, – ответил Петель. – Симпатяшка. Иначе зачем бы доктору рисковать своим супружеством? Пойдем, Хэдли, ты нужен мне наверху. Пока мы все будем тут торчать, кто-нибудь обязательно украдет кассу.

Он двинулся вверх по лестнице.

– Она там? – спросил Хэдли, с интересом заглядывая внутрь скатлера. – Я ее не вижу, Дар.

– Я тоже, – буркнул Петель. – И Рик не видит, но до сих пор ищет, вместо того чтобы работать, черт побери. Имей в виду, Рик, если найдешь, она станет моей любовницей, поскольку ты делаешь это за мой счет, в рабочее время.

Все трое рассмеялись.

– Ладно, – согласился Рик. Присев на корточки, он скреб острием отвертки поверхность трубы скатлера. – Можете смеяться, это и впрямь забавно, но бросать начатое я не собираюсь. Дефект, скорее всего, невидим. Иначе Сэндс не осмелился бы оставить здесь скатлер. Пусть не считает меня идиотом. Он замаскировал дефект, и замаскировал хорошо.

– Дефект, – повторил Петель. Нахмурившись, он спустился обратно в подвал. – Нечто вроде того, что когда-то нашел Генри Эллис? Трещина в стенке трубы, которая вела в древний Израиль?

– Именно – в Израиль, – коротко ответил Рик, продолжая скрести.

Его наметанный взгляд вдруг заметил на поверхности мелкую неровность. Наклонившись, механик протянул руку... Пальцы прошли сквозь стенку трубы и исчезли.

– Господи! – прошептал Рик.

Вытянув невидимые пальцы, он сперва ничего не почувствовал, затем коснулся верхнего края отверстия.

– Нашел! – торжествующе объявил Рик. Он огляделся по сторонам, но Петеля уже не было. – Дариус! – крикнул он, но ответа не услышал. – Ну и черт с ним! – яростно бросил он Хэдли.

– Наткнулся на что-то? – спросил Хэдли, с любопытством заглядывая внутрь трубы. – Ты нашел эту женщину, Кэлли Вэйл?

Рик Эриксон прополз головой вперед через отверстие в трубе.

Не найдя под ногами опоры, он рухнул на землю. С его губ сорвалось проклятие. Открыв глаза, он увидел над собой голубое небо с редкими облаками. Вокруг простирался луг. Среди высоких растений с огромными, словно блюдца, белыми цветами жужжали похожие на пчел насекомые. В воздухе чувствовался сладкий аромат, словно цветы были растворены в атмосфере.

«Наконец-то, – подумал Рик. – Получилось. Здесь Сэндс спрятал свою любовницу, чтобы ее не смогли вызвать свидетелем на суд». Он осторожно встал. Позади него маячило слабое сияние – связующее звено между трубой джиффи-скатлера и подвалом магазина в Канзас-Сити.

«Нельзя терять ориентацию, – подумал он. – Если заблужусь, то уже никогда не смогу вернуться. Где я? Надо сообразить. Сила тяжести как на Земле, так что это наверняка Земля, – решил он. – В далеком прошлом? Или будущем? К черту любовницу Сэндса и его проблемы! Все это просто бред». Он огляделся, пытаясь обнаружить какие-нибудь признаки жизни, что-нибудь похожее на зверя или человека. Это могло бы подсказать ему, в какой эпохе он оказался... Вот если бы он увидел сейчас саблезубого тигра... Или трилобита. Нет, для трилобитов уже слишком поздно, тогда не существовало таких пчел. «Да ведь это же та самая дыра, которую в «ЗР» ищут уже тридцать лет, – вдруг осенило Рика. – А докторишка ее нашел и использовал в своих собственных целях. Прекрасное место, чтобы спрятать красотку. Что за мир!» Эриксон начал медленно, шаг за шагом, продвигаться вперед...

Вдали мелькнул чей-то силуэт.

Притенив глаза рукой, Рик пытался различить детали и понять, что это такое. Первобытный человек, кроманьонец или что-то в этом роде. А может, яйцеголовый обитатель будущего? Он прищурился. Существо оказалось женщиной, судя по волосам. На ней были брюки, и она бежала к нему. «Кэлли, – подумал он. – Любовница доктора Сэндса спешит ко мне. Наверное, думает, что я Сэндс. – Он замер в страхе. – Что делать? – нервно размышлял он. – Может, лучше возвратиться?» Он повернулся в ту сторону, откуда пришел, и краем глаза заметил, что девушка поднимает руку.

«Нет! – мысленно крикнул он. – Не делай этого!»

Он споткнулся, отступая к отверстию, соединявшему два мира.

Красный луч лазера пронесся над его головой.

«Не попала, – прошептал он. – Но... – Найдя вход в трубу скатлера, он начал с трудом в него протискиваться. – Но в следующий раз... В следующий раз...»

– Стой! – крикнул он, не глядя на девушку. Голос его отразился эхом среди наполненных жужжанием цветов.

Теперь луч лазера угодил ему в спину.

Эриксон вытянул руку и увидел, что она проходит сквозь туман, исчезая по другую сторону. Ей уже ничто не угрожало – в отличие от остального тела. Девушка убила его; бежать было поздно. «Почему она не подождала? – спрашивал он сам себя. – Даже не выяснила, кто я такой. Неужели настолько перепугалась?»

Луч лазера снова ударил в Рика, на этот раз в затылок. Это был конец. Шансов на возвращение больше не осталось. Переход на безопасную сторону был для него закрыт.

Рик Эриксон лежал мертвый.

Стоя у другого конца трубы джиффи-скатлера, Стюарт Хэдли в тревоге ждал. В какой-то миг он увидел, как рука Эриксона прорывается сквозь стену у самого пола. Пальцы неожиданно скрючились. Хэдли присел и схватил ремонтника за запястье. Пятясь, он изо всех сил потянул его на себя. Наконец ему удалось втолкнуть тело Эриксона внутрь трубы.

Насмерть перепуганный Хэдли медленно поднялся. Увидев в теле Эриксона два чистых отверстия, он понял, что его убили лазером, вероятно с большого расстояния. Не чуя под собой ног, Хэдли добрался до панели управления скатлера и отключил питание. Сияние, исходившее от входного обруча, тут же погасло. Стюарт надеялся, что теперь убийцы Рика Эриксона, кем бы они ни были, не смогут преодолеть этот барьер.

– Петель! – крикнул он. – Спустись сюда, немедленно!

Подбежав к столу, он включил интерком.

– Петель, – позвал он, – спустись в мастерскую. Эриксон мертв.

Вскоре Дариус Петель уже стоял рядом с ним.

– Похоже, он нашел то, что искал, – потрясенно проговорил Петель, глядя на бездыханное тело ремонтника. Лицо его посерело. – Что ж, он заплатил за свое любопытство. И притом дорого.

– Давай вызовем полицию, – сказал Хэдли.

– Да, – бесцветным голосом согласился Петель. – Конечно. Питание скатлера ты отключил, и правильно сделал. Бедный парень. Он оказался достаточно умен, чтобы о чем-то догадаться. Смотри, у него в руке что-то есть.

Он наклонился и разжал пальцы Эриксона. Мертвая рука сжимала пучок травы.

– Ему не поможет никакая трансплантация, – мрачно констатировал Петель. – Луч попал в голову и проник в мозг. Плохо. – Он посмотрел на Стюарта Хэдли. – Даже доктор Сэндс, лучший трансплантолог, и тот не сумеет помочь Эриксону, я за это ручаюсь.

– Место, где растет трава, – пробормотал Хэдли, дотрагиваясь до найденного в руке Эриксона пучка. – Где это может быть? Наверняка не на Земле. По крайней мере, не в настоящем времени.

– Значит, в прошлом, – подытожил Петель. – Итак, мы имеем дело с путешествием во времени. – Лицо его болезненно исказилось. – Чудесное начало. Один уже мертв. Сколько еще ждет подобная судьба? Что за чудовище этот Сэндс! Он сделает все, лишь бы его репутация осталась незапятнанной. А может, он об этом не знает? Может, этой женщине дали лазер, чтобы защищаться от шпионов миссис Сэндс? Кроме того, откуда мы знаем, что именно Кэлли убила Рика, а не кто-то другой? Единственное, что нам известно, – Эриксон мертв. И что его теория оказалась ошибочной.

– Если хочешь, можешь ничего не делать, Сэндс наверняка от этого только выиграет, – сказал Хэдли. – Но я не собираюсь сидеть сложа руки. – Он встал и с трудом перевел дух. – Может, все-таки вызовем полицию? Позвони ты, я не умею с ними разговаривать. Пожалуйста, Петель.

Дариус Петель неуверенно двинулся к столу и начал на ощупь искать телефон. Наконец он поднял трубку, но тут же повернулся к Хэдли:

– Подожди, мы совершаем ошибку. Знаешь, куда мы должны позвонить? В «Земные разработки». И обо всем им рассказать. Ведь именно они это искали. И они должны стать первыми.

– Я... не согласен, – ответил Хэдли, уставившись на него.

– Это куда важнее всех нынешних проблем, важнее Сэндса, Кэлли Вэйл, кого-либо из нас. – Петель начал набирать номер. – Даже смерть одного из нас не имеет особого значения. Знаешь, о чем я думаю? Эмиграция. Ты видел траву в руке Эриксона? Ты понимаешь, что это значит? К черту девушку с той стороны или того, кто стрелял в Эриксона. К черту нас самих, с нашими настроениями и взглядами! – живо жестикулировал Петель. – К черту всю нашу жизнь, всех нас, вместе взятых!

Стюарт Хэдли постепенно начал понимать – или так ему только казалось.

– Но она, вероятно, убьет очередного человека, который...

– Пусть об этом беспокоятся «ЗР», – сурово сказал Петель. – У них есть собственная полиция и вооруженная охрана. Пусть сперва пошлют их. – Голос его стал хриплым и низким. – Ну потеряют они несколько человек, и что с того? Речь идет о жизни миллионов. Понимаешь, Хэдли? Понимаешь?

– Д-да, – неуверенно кивнул Хэдли.

– В любом случае вся эта история подпадает под юрисдикцию «ЗР», поскольку случилась в одном из их скатлеров, – уже спокойнее сказал Петель. – Называй это несчастным случаем и так о нем и думай. Просто неизбежное, хотя и ужасное событие, произошедшее между входным и выходным обручами. Естественно, фирма-производитель должна об этом знать.

Он повернулся спиной к Хэдли, сосредоточившись на видефонном звонке Леону Тэрпину, шефу «ЗР».

– Боюсь, готовится нечто такое, что может тебе не понравиться, – сказал Солсбери Хайм кандидату в президенты Джеймсу Брискину. – Я разговаривал с Джорджем-Уолтом...

– Ну и ладно, – прервал его Джеймс Брискин. – Я знаю, чего они хотят, но они этого не получают, Сол.

– Если ты откажешься от сотрудничества с Джорджем-Уолтом, мне придется отказаться от поста руководителя предвыборной кампании, – настаивал Сол. – После твоей речи в защиту орошения планет я уже больше не выдержу. Слишком многое оборачивается против нас. Мы не можем взять на себя проблемы с Джорджем-Уолтом.

– Все еще хуже, чем тебе кажется, – помолчав, ответил Брискин. – Ты об этом еще не слышал. Пришло известие от Бруно Мини. Моя речь его восхитила, и он уже едет сюда, чтобы, как он говорит, «объединить наши усилия».

– Но ты все еще можешь... – начал Хайм.

– Мини разговаривал с репортерами, так что пытаться отвлечь от него внимание прессы поздно. Мне очень жаль, Сол.

– Ты проиграешь.

– Ничего не поделаешь.

– Что меня по-настоящему сводит с ума: даже если ты выиграешь выборы, все равно не сумеешь действовать самостоятельно, – с горечью сказал Хайм. – Один человек не в состоянии совершить столько перемен. Спутник «Золотые врата» останется, гибы останутся, консультантов по абортам ты можешь кое-где подсократить, но не... – Он замолчал, увидев входящую Дороти Гилл.

– Вам звонят, мистер Брискин. Он говорит, что вы его не знаете, но дело срочное и много времени не займет. Он цветной, если это вам поможет, – добавила она.

– Не поможет. Но я с ним поговорю, – сказал Джим, довольный, что есть повод прервать беседу с Солом. – Принеси видефон сюда, Дороти.

– Хорошо, мистер Брискин.

Она вышла и вскоре вернулась с аппаратом.

– Спасибо, – кивнул Брискин, нажимая клавишу.

На экране появилось лицо смуглого человека с пронизательным взглядом, хорошо одетого, с приятной внешностью и явно взволнованного.

«Кто бы это мог быть? – подумал Сол Хайм. – Где-то я видел его фотографию... – Внезапно он вспомнил известного нью-йоркского детектива, работавшего на Майру Сэндс, некоего Тито Кравелли, завязтого индивидуалиста. – Интересно, зачем он звонит Джиму?»

– Мистер Брискин, – заговорил с экрана Тито Кравелли, – я хотел бы встретиться с вами в приватной обстановке и поговорить кое о чем. Уверяю, для вас это крайне важно. Настолько важно, что я предпочел бы, чтобы нам не мешали, – добавил он, бросив взгляд на Сола Хайма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.